

Угрюмов №22 - 1983

Блажен Онегин, ибо ему открылся Идеал.

Блажен Ленский, ибо оказался среди тех, кто «праздник жизни рано Оставил, не допив до дна Бокала полного вина...» — то есть не дожидаясь старости, успев познать вкус к жизни, не узнав недугов и разочарований.

Блажен автор по подобию с теми, кто рано оставил праздник жизни, ибо обогнал свой роман, успев выложить основное и не успев им пресытиться.

Пушкинский роман в стихах — это единый, нечленимый организм, всеми своими частями устремленный к Истине, к Идеалу, несущий в себе повествование о блужданиях и заблуждениях на пути к ним.

«НЕ ЗНАЮ, КАК ПЕРЕВЕСТИ»

Автор в романе на стороне неспорченности человеческого существа: «Люблю я час Определять обедом, чаем И ужином. Мы время знаем В деревне без больших сует: Желудок — верный наш брегет...»

Благодушный этот силлогизм «Желудок — верный наш брегет» многозначен.

Незадолго до этого Пушкин беседовал с читателями о коварстве врагов, о лицемерной сердечности друзей («Уж эти мне друзья, друзья!»), о нередко тоже оказывающейся лицемерной благожелательности родственников, о капризной ветрености любви («Любовью шутит сатана»).

«Кого ж любить? Кому же верить? Кто не изменит нам один? — предугадывал он негодующе-растерянную реакцию сбитого с толку читателя. — Кто все дела, все речи мерит Услужливо на наш аршин?» — и этими вопросами предвосхищал свое стихотворение «Поэт и толпа» (1828 г.), формулируя глгчее желание «толпы» получить от поэта «смелые» (то есть полезные) уроки.

Геннадий КРАСУХИН

ТАЙНЫ «ОНЕГИНА»

6 июня—день рождения А. С. ПУШКИНА

С первой же изданной отдельно главы (1825 г.) «Евгений Онегин» оказался в центре литературных споров. И сегодня мы не можем утверждать, что исчерпали смысл создания пушкинского гения. И, наверное, никогда не сможем этого сделать: ведь смысл любого гениального произведения практически неисчерпаем.

Предлагаемые читателю заметки о «Евгении Онегине» — попытка уточнить то, что, по мнению автора, остается пока еще не вполне проясненным.

«РАСЧИСЛЕНО ПО КАЛЕНДАРЮ»

«Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено», — писал Пушкин в Предисловии к отдельной изданной первой главе. И — спустя два абзаца: «Всякий волен судить о плане целого романа, прочитав первую главу одного».

«Начало большого стихотворения» приравнено к «первой главе» — началу «романа».

Приравняв стихотворение к роману, Пушкин объявляет о новом жанре, являющем собой симбиоз: стихотворение-роман. То есть это роман, который, оставаясь романом, живет еще и по законам стихотворения, вбирающего в себя романские сюжетные коллизии как подробности своего лирического сюжета. А лирический сюжет определен уже личностью автора.

Такой роман, о чем бы он ни повествовал, неизбежно призван запечатлеть в конечном итоге духовный опыт автора, жизнь его «души в заветной лире». И роман запечатлевает эту жизнь на большом отрезке времени, где, правда, четко установлена первым же примечанием лишь его начальная граница: «Писано в Бессарабии» — то есть в 1823 году. Дальше четкость ослабевает, размывается, становится как бы пунктирной и пропадает совсем, заставляя вспомнить пушкинскую фразу о стихотворении, «которое, вероятно, не будет окончено».

Но и романский сюжет в окончательной редакции обрел ту же разомкнутую конечную границу времени. Ведь это только на основании черновых строф Путешествия Онегина датируют встречу Онегина с замужней Татьяной 1824 годом,

их последнее объяснение — 1825-м. А по тем отрывкам, которые Пушкин напечатал, вообще нельзя понять, сколько Онегин отсутствовал. «Так ты женат! не знал я ранее! — восклицает он, обращаясь к Татьянинному мужу. — Давно ли?» «Около двух лет», — отвечает тот, и поскольку Пушкин оставлял их, Татьяну и ее будущего мужа, еще даже не представленными друг другу и снова ввел в повествование уже женатыми, мы не можем теперь точно сказать, когда именно происходят события, описанные в восьмой главе, так что в свете нового оформленного пушкинского замысла авторское примечание: «Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю» оказывается наполненным новым — мировоззренческим — смыслом.

Оставляя своего героя «в минуту злую для него», навсегда теперь терзаться недостижимостью идеала, который ему открылся, Пушкин в этом — в главном — снимает демонстрируемую на протяжении всего романа «разность между Онегиным и мной». Они сошлись в устремленности к идеалу («целью художества есть идеал!» — любимая мысль Пушкина). И конечной своей незавершенностью, не привязанной ко времени, оказавшейся вне времени, в бесконечности, в вечности, вымышленный романский сюжет как бы сливается с лирической концовкой романа, с заключительной его строфой:

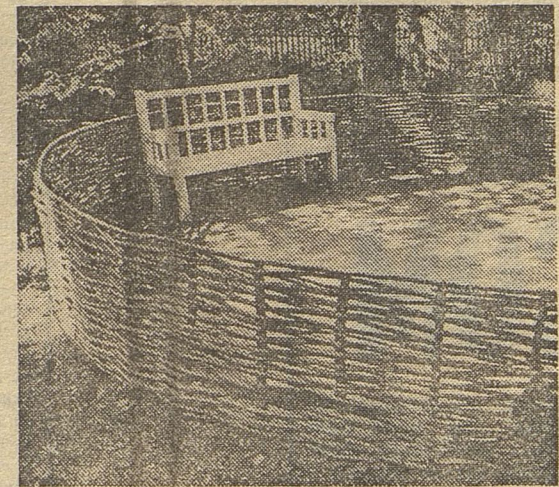
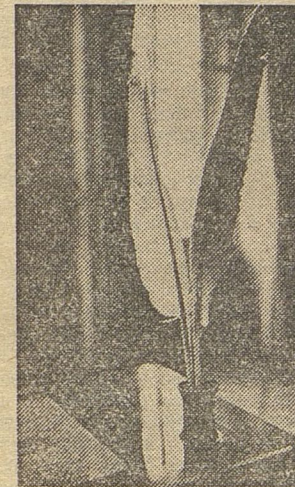
Блажен, кто праздник жизни рано Оставил, не допив до дна Бокала полного вина...

Завершающей строфой Пушкин одаряет «блаженством» («высшая степень духовного наслаждения» — В. Даль) героев романа и его автора.

Блаженна Татьяна, ибо выстрадала Истину.

благоразумный Уж нынче предпочел ему». И «желудочными» стихами нравственно осыпят то, что ему бесконечно дорого, — дружескую близость, духовное товарищество: «К Аи я больше не способен; Аи любовнице подобен Блестящей, ветреной, живой, И своенравной, и пустой... Но ты, Бордо, подобен другу, Который в горе и в беде, Товарищ навсегда, везде, Готов нам оказать услугу Иль тихий разделить досуг. Да здравствует Бордо, наш друг!»².

В связи с этим возникает вопрос о переводе французского эпиграфа из Неккера, предпосланного Пушкиным четвертой главе. В последних пушкинских изданиях неккеровское изречение переведено так: «Нравственность в природе вещей». Ю. М. Лотман, переведя французское «la morale» двумя понятиями: «нравственность (мораль)», написал о «показательной ошибке» Н. Л. Бродского, читавшего это слово как «нравоучение»: «Возможность двусмысленности, при которой нравственность, управляющая миром, путается с нравоучением, которое читает молодой

ОДНА БУКВА

В шестой главе автор взывает к «младому вдохновенно»: «Волнуй мое воображение, Дремоту сердца оживляй, В мой угол чаще прилетай, Не дай остыть душе поэта, Ожесточиться, очерстветь И наконец окаменеть В мертвящем упоенье света, В сем омуте, где с вами я Купаюсь, милые друзья!»

Художническое чувство композиции всего романа, обусловившее логическую пластичность перехода к главе седьмой, потребовало от Пушкина в этом месте закончить шестую главу, но не отказаться еще от одной строфы, которой она кончалась прежде, отдельно изданная, а перенести ее в примечания — случай уникальный, если учесть, что он без сожаления расставался с превосходными черновыми строфами. Помещая строфу в примечаниях, он тем самым оставил ее в романе как важную, расшифровывающую многочисленные «среди» невольное пребывание собственной души «В мертвящем упоенье света». В частности, как печатается почти во всех пушкинских изданиях, «Среди досадной пусто-

ты Расчетов, дум и разговоров». Однако составители большого академического его издания указали, что «дум» — опечатка, которую Пушкин исправлял на «душ». В первом полном издании пушкинского романа (1833 г.) стих этот так и читается: «Расчетов, душ и разговоров».

Да, не о пустых думах (мыслях), а о пустых человеческих душах говорит Пушкин, характеризуя «мертвящее упоенье света», которое отличает еще и досадная пустота людских расчетов (то есть выгодных для себя планов), их душ и их разговоров. Вот в чем, в частности, может «Ожесточиться, очерстветь И наконец окаменеть» «душа поэта», если перестанет посещать ее «младое вдохновенье»! Думаю, следует исправить опечатку — дать восторжествовать пушкинской воле!

КАК ЗОВУТ КНЯЖНУ АЛИНУ?

Княжна Алина — начитанная московская кузина Татьянинной матери, от которой та слышала о славном литературном герое Грандисоне и которой доверяла свои сердечные тайны.

Но имени Алина в православных святцах нет...

Приехав из деревни, мать и дочь Ларины остановились в Москве в доме княжны, тетки Татьяны, родственницы и подруги юности матери. В момент встречи после долгой разлуки старушки, уже только называя друг друга, возвращаются в далекую свою юность. «Pachette!» — восклицает княжна, обнимая Прасковью Ларину. «Алина!» — вторит ей мать Татьяна.

Но Татьяна, замечая, что «не видно перемены» в ее московской родне, что московские родственники — те же, какими они запомнились ей в детстве, видит, в частности, что «У тетушки княжны Елены Все тот же тюлевый чепец...»

Вряд ли у Татьяны — две тетушки-«княжны», то есть, учитывая возраст, старые девы. Думаю, что «княжна Елена» и есть «княжна Алина».

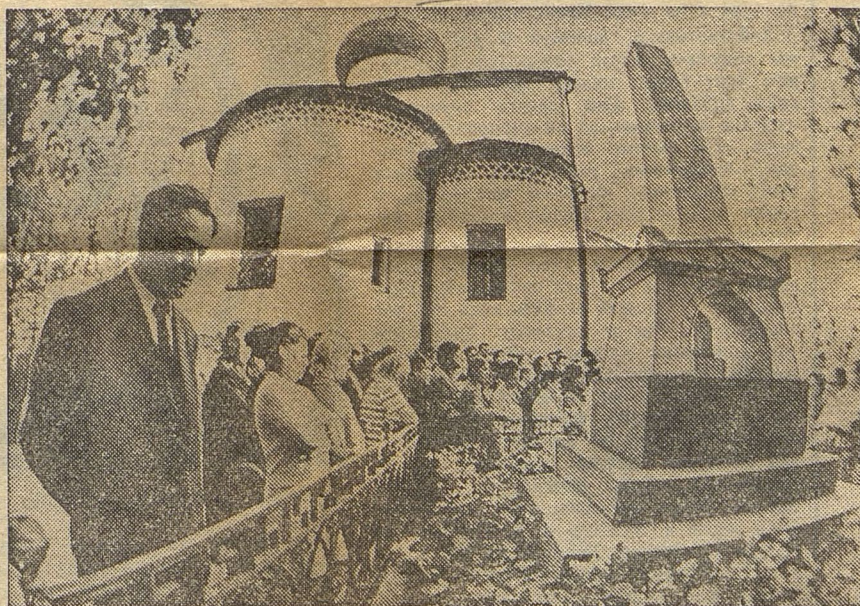
¹ Подчеркнуто Пушкиным.

² Названия вин подчеркнуты Пушкиным.

НА СНИМКАХ:

● Поэзия, как ангел-утешитель, спасла меня.

● ...И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть.

И — как в будущем своем стихотворении: «Какое дело Поэту мирному до вас!» — здесь, в романе, тоже безглаголочно-насмешливо отклоняет от себя сомнительную честь выступить моральным наставником читателя: «Призрака суетный искатель, Трудов напрасных не губя, Любите самого себя, Достопочтенный мой читатель! Предмет достойный: ничего Любезней верно нет его».

Но, одарив этой очаровательной моральной сентенцией жаждущего морали читателя, он двадцатью строфами спустя, наблюдая, как Онегин распечатывает для Ленского бутылку шампанского, вздохнет о том, что «изменяет пенной шумной Оно желудку моему и я Бордо

героине «сверкающий взорами» герой, создавала ситуацию скрытого комизма».

В. Непоминый, основываясь на жизненной философии Неккера — политического деятеля XVIII века и его современников, считает, что в изречении Неккера «la morale» «вернее переводить как «мораль», а не как «нравственность».

Думаю, что реальное содержание четвертой главы, в которой и нескрываемое нравоучение, и осмеленная мораль, и лукаво затаенная нравственность, не позволяет исчерпать значения французского слова в русском переводе. Быть может, поэтому Пушкин и оставил его в оригинале. Как сказал он в другом месте романа: «Не знаю, как перевести».